

Ида Куклина: «Нынешние структуры – Совет, Общественная палата – встроены в систему и вынуждены работать по ее законам»

Ида Николаевна Куклина (родилась в 1934 году в Костроме) – правозащитник, общественный деятель. Окончила юридический факультет Ленинградского государственного университета, очную аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), кандидат экономических наук, доктор политических наук. Работает в ИМЭМО Российской академии наук ведущим научным сотрудником Центра модернизации и развития, занимается проблемами глобальной безопасности и защиты прав человека. С 1993 года – член (волонтер) Комитета солдатских матерей России, с 1998 года – член Союза комитетов солдатских матерей России (СКСМР – организация, не имеющая наемных сотрудников), избрана Секретарем, членом Правления и членом Координационного совета СКСМР. Член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека с 2009 по 2012 год.

Ред. Ида Николаевна, в советское время были какие-то моменты, которые приближали вас к правозащитной деятельности?

И.К. Была у меня знакомая (кстати, родственница Ленина). Она четко сформулировала: если государство отхватит от тебя кусочек, то потом разжует и выбросит. Я очень не хотела быть в какой-то системе, но при этом была активной и в 1958 году вступила в КПСС.

Ред. На волне XX съезда?

И.К. В том числе. Мне очень хотелось посмотреть, что там внутри происходит. И, конечно, если бы я не состояла в партии, то не смогла бы, будучи просто женой дипломата, работать за рубежом, в том числе в Азии и Африке, которая захватила меня. В развивающихся странах, в которых мне пришлось жить, разумеется, не все было в порядке с правами человека, в том числе самыми элементарными. На примере этих стран можно было изучать опыт урегулирования региональных конфликтов, миротворческий опыт, понять, что такое апартеид, что мне весьма потом пригодилось.

Ред. Уже после окончания советской эпохи?

И.К. В начале 1990-х я была членом парткома Института мировой экономики и международных отношений и чувствовала, что дело идет к развалу существовавшей системы. Я искала себе применение в этой ситуации и случайно познакомилась с солдатскими матерями – в феврале 1993 года, на конференции, где я выступала по вопросу о миротворческой роли российской армии на постсоветском пространстве. Я сама к ним подошла и предложила свою помощь. У меня, правда, не сын, а дочь, но их тревоги были мне понятны. Буквально через несколько дней М. Кирбасова, председатель Комитета солдатских матерей, позвонила мне и предложила вместе поехать на остров Русский.

Ред. После того, как стало известно о гибели матросов от голода?

И.К. Да, когда уже все ужасы вскрылись. И это заслуга солдатских матерей. С нами летела группа генералов и адмиралов. Ситуация там была просто кошмарная. На этом острове находилось шесть центров обучения матросов, и там вчерашние призывники болели и гибли от огромного букета разных болезней – от гепатита, воспаления легких и дизентерии до чесотки, жуткого стрептококка и просто от голода^[1]. Я считаю, там было хуже, чем в гитлеровских концлагерях, ведь морили своих. «Туалеты» – выгребные ямы – находились в двухстах метрах от лазаретов и казарм. Многие страдавшие дизентерией просто не добежали. Их заставляли это съесть (!). Уголь для топлива обливали водой, она леденела, и матросов заставляли нести этот груз на носилках на поднятых на высоту плеч руках.

Ред. Среди офицеров, мичманов на этом острове были откровенные садисты?

И.К. Я бы не сказала. Это была советская практика призыва, система внутриармейских отношений, особенно на Дальнем Востоке. Был такой период, когда обществу открывалось многое из того, что ранее было скрыто. Попадались ребята, которые вообще никогда не пробовали мяса. Многие у нас спрашивали, как симулировать сумасшествие. Предпочитали находиться в психбольнице, только бы не в армии. Солдатские матери тогда вывезли около ста человек.

Ред. Но ведь были же понесшие наказание?

И.К. Да, командующего Тихоокеанским флотом сняли. А в остальном больше пострадали «стрелочники» – младшие офицеры, мичманы. Сортиры, когда мы через год снова приехали, были уже нормальные. Правда, ключи от них находились у мичманов. А о правах военнослужащих никто и слыхом не слыхивал. Вообще, такая организация, как Комитет солдатских матерей, могла возникнуть только у нас.

Ред. А военная прокуратура как на все это реагировала?

И.К. Как раз с военной прокуратурой у нас был контакт, они нас «воспринимали». Помню, у них в приемной был очень талантливый юрист, он к нам относился внимательно, учил нас и говорил: в любом случае надо действовать по закону. В общем, отношения сложились. Многие правозащитники нас осуждали именно за сотрудничество с прокуратурой, но мы доказали, что на нашем направлении можно действовать только в диалоге, иначе мы бы ничего не сумели сделать. А на кону ведь были человеческие жизни.

В 1998 году мы добились амнистии для «самовольщиков», «дезертиров» – тех, кто убежал из части из-за побоев, издевательств, спасая свою жизнь. Их были тысячи. В стране действовало около трехсот наших комитетов. Многие беглецы сначала регистрировались у нас, просили помощи. Мы их отправляли на специальный приемный пункт в Москве, открытый военными, контролировали их дальнейшую судьбу.

Ред. Это мы уже по времени забегаем вперед. Ведь Комитет очень мощно проявил себя во время первой чеченской компании.

И.К. Да, причем мы развитие событий в Чечне зафиксировали еще на предварительной стадии. Из Солнечногорска, где стояла танковая дивизия, в сентябре прибегает солдатик, сообщает: нас хотят

продать в Чечню воевать за миллион рублей, а потом обещают дембель. Несколько человек из разных наших организаций, в том числе я с коллегой, отправились туда.

С Дудаевым нам сходу встретиться не удалось. Принимал нас сперва его министр иностранных дел Юсуф — иорданец, огромный мужчина, пальцы все в кольцах. Просили показать нам хотя бы одного пленного русского солдата, но ничего не добились. Потом нас допрашивал Абу Арсанукаев, начальник личной охраны Дудаева. Он все не мог понять, почему мы его не боимся, хихикаем. Очень было смешно, что он видел в нас шпионок. В итоге признали, что мы — не шпионы, но и делать в Чечне нам нечего.

Вообще, об этих поездках в Чечню много можно рассказать. Отмечу главное: мы были рабочей силой антивоенного характера. Нас поддерживал Олег Орлов из «Мемориала», он, пожалуй, единственный из правозащитников считал, что деятельность солдатских матерей не надо «координировать» (желающих было много), а надо им помогать. Ведь там, в Чечне, были толпы матерей, разыскивающих своих детей. Мы вплоть до 1997 года разрабатывали для них поисковые маршруты. В отдельные периоды по всей Чечне бродило до 500 солдатских матерей.

Ред. Как вы действовали в таких условиях, во время постоянных боевых действий?

И.К. Главный наш лозунг был: нельзя убивать своих граждан! Армия — для обороны! Находили точки опоры в международном законодательстве. Прилагали усилия, чтобы спасти военнослужащих по призыву из плена, их уже довольно много было. Огромную работу провела Юлия Горячева, она действовала как опытный юрист, будучи инженером по образованию. Она освободила от ответственности около 300 «отказников» от направления в Чечню, по каждому в отдельности были подготовлены документы.

Ведь поначалу их некоторые ястребы хотели расстреливать — по законам военного времени. А мы доказывали, что война незаконна. Не раз спрашивали в письмах президенту, как квалифицировать то, что происходит в Чечне (варианты, как помнится, менялись). А на деле это был прежде всего гражданский конфликт, из-за участия армии превратившийся в войну, рожденную плохой политикой и хаосом распада.

Документ

«Комиссия вынуждена констатировать, что положение дел с соблюдением прав человека в Вооруженных Силах, о чем говорилось в докладе Комиссии за 1993 год, не только не изменилось к лучшему, но и по многим направлениям даже осложнилось.

На ситуацию в армии в значительной мере оказали влияние использование Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации в вооруженных конфликтах как внутри России, так за ее пределами, а также вывод войск из стран ближнего и дальнего зарубежья на территорию России и связанные с этим трудности размещения и обустройства.

Нормативная база почти не изменилась, за исключением не снискавших положительного отношения со стороны общества законов об ужесточении правил призыва и увеличении срока военной службы. Многие вопросы, имеющие принципиальное значение, нередко регулируются ведомственными актами. Так, приказом министра обороны Российской Федерации № 404 от 13 августа 1993 года было введено в действие Временное положение о порядке заключения контрактов и увольнения военнослужащих из Вооруженных Сил Российской Федерации. Этим приказом закреплено неравенство сторон: военное ведомство умалчивает о своих обязательствах по предоставлению льгот и преимуществ лицам, заключающим контракты на военную службу.

Закон «Об альтернативной службе» так и не вышел из стен Государственной Думы. Опасность преследования лиц, не желающих проходить военную службу по пацифистским и другим убеждениям, сохраняется. По данным Института религии

и права, среди лиц, осужденных с 1993 года за отказ от военной службы, отказников по убеждениям совести было свыше 700».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Вы взаимодействовали с Комиссией по правам человека?

И.К. Мы поддерживали С.А. Ковалёва, никаких разногласий у нас не было. Просто мы работали оперативно по конкретным делам – и с Ковалёвской Комиссией, и с «Мемориалом» были совместные документы, была взаимная поддержка.

Невыносимо было видеть раненых и умирающих. Я буду всю жизнь помнить солдата, которого видела в январе 1995 года на операционном столе, солдата без рук и без ног, но живого. Было очень страшно. Помню двух вызволенных из плена. Один – настоящий красавец, не выдержал трехмесячного сидения в зиндане, получил серьезную психическую травму. Другой, маленький мальчик из Сибири, выдержал, но все держал руки домиком – привык к наручникам. Трогательно, по секрету, признался мне, что все собранные ему нами на дорогу деньги он истратил на покупку кассет с песнями о Чечне.

До марта 1995 года многих пленных вывезли, потом стало сложнее. Чеченцы перестали отдавать пленных. Я помню, как убеждала депутата Виктора Шейниса не поддерживать решение Госдумы о возможности обмена чеченцев, осужденных в России за серьезные преступления, на пленных. Но – разрешили, и началась работорговля.

Еще могу отметить, как зарубежную помощь мы сумели использовать для наших целей. Немецкие женщины помогали, несколько женщин из Швейцарии. Хотя они до конца не могли понять, что у нас происходит. Деньги мы раздавали матерям в Чечне в обмен на расписку с краткой историей поисков. Эти истории были опубликованы женской миротворческой организацией в Германии.

ПОЗИЦИЯ

«Наши власти пытаются силовым путем исключить всякое выражение протеста. В Конституции нет никаких оговорок о том, как реализовывать право на демонстрации. Вы можете подать заявку на митинг на какой-либо улице, а вам ответят, что это невозможно, и предложат в принципе для вас неприемлемый вариант. А по Конституции вы можете реализовывать свое право там, где хотите. Такая форма протеста будет эффективной, если вас видят, поэтому нужно проводить акции на центральных улицах. В этом суть конституционного права».

Ред. А как вы попали в Комиссию по правам человека?

И.К. С Эллой Александровной Памфиловой мы шли на выборы еще в 1995 году, она нас знала. Сотрудничали, когда она организовала «Гражданское достоинство». Она меня пригласила, и я согласилась.

Ред. Чего вам удалось достичь в качестве члена Комиссии?

И.К. В 2005 году удалось повысить пенсии военнослужащим по призыву – инвалидам первой группы, пострадавшим в Чечне. Они получали буквально гроши. Путин, в принципе, нас поддержал, но кабинет Касьянова, а потом Фрадкова ничего не делал. На встрече с президентом я хотела об этом сказать, но тут меня прервал господин Марков, которому очень хотелось произнести речь. Путин ее выслушал и двинулся к дверям, сказав: «Спешу, меня давно ждет Лукашенко».

И тут я, забыв о приличиях, заорала: «Подождите две минуты!», после чего заявила: «Два премьера ничего не сделали по вашим замечательным резолюциям о пенсиях военнослужащим по призыву, что же нам с ними делать, повесить на стену и молиться?» Путин остановился, объяснил, что для правительства что-то там неясно, а я ему: «А Вы Указом проведите!» В итоге пенсии были повышены на 40% Указом президента РФ.

Во время военного конфликта с Грузией в 2008 году солдат по призыву отправляли за рубеж незаконно, но обещали, что все получают статус участника боевых действий. Но дальше обещаний дело не шло. Нам удалось через СПЧ убедить Медведева издать соответствующий Указ. Однако документы были не у всех, не было записей в военных билетах, зачастую не находилось необходимых приказов командиров частей и т.п. Не удивлюсь, если многим так и не удалось их найти, несмотря на наши жалобы, предложения и обращения в Минобороны, которое этой проблемой должно было заниматься.

В Комиссии по военно-гражданским отношениям внутри Совета я настаивала на открытии в военном бюджете статей, касающихся прав человека. Мы доказывали, что действующая система призыва затратна и неэффективна, а также нарушает права военнослужащих. Но Минобороны это не волновало. Мы представляли достаточно детальные расчеты по медицинским расходам на призыв, расходам на питание, транспортировку призывников к местам службы и др. Все наши усилия напоминали бег по кругу, поскольку они были обусловлены имманентными качествами принудительного призыва. Уполномоченный по правам человека в РФ В.П. Лукин и Счетная палата РФ нас поддержали, но общественного признания эта инициатива не получила, бюджет остается закрытым.

Ломались копы и по поводу призыва аспирантов. Мы считали, что призывать их до окончания аспирантуры нецелесообразно, учитывая потребности России в развитии человеческого потенциала.

Нужно иметь в виду, что моя личная позиция всегда совпадала с позицией организации, которую я представляла в Совете. И для нас это не просто теоретическое обсуждение вопроса, как хорошо жить при демократии или как прийти к демократии, для нас это еще и конкретный человек, что мы можем для него конкретно сегодня сделать. На одном из заседаний Совета я ставила вопрос о выплатах родителям погибших военнослужащих. До сих пор существует эта проблема, когда компенсационная выплата делится «на всех членов семьи, включая погибшего». Мы считаем такую формулировку, как минимум, безнравственной.

Постоянно возникали у меня споры с Сергеем Кривенко по поводу «альтернативщиков», проблемы которых были очень важны для него. В свое время Совет Европы поставил России условие для вступления в СЕ: ввести альтернативную службу, но не гражданскую, а военную, то есть вспомогательную службу без ношения оружия. А военные постарались и добились принятия такого закона об альтернативной службе, чтобы на нее никто не шел. Солдатские же матери считали, что России нужна не искалеченная законом альтернативная служба, а отмена принудительного призыва и переход к контрактной системе. После того как срок службы сократился до одного года, споры вокруг альтернативной службы вообще утратили смысл, а военные все утверждают, что действующий закон – это элемент демократии, а вообще-то, альтернативная служба не нужна, это не для нас.

«Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека добился улучшения материального положения инвалидов вследствие военной травмы.

По инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Президентом РФ подписан Указ от 1 августа 2005 года № 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие военной травмы».

В соответствии с Указом ежемесячную прибавку к пенсии получают более 90 тысяч военных пенсионеров, ставших инвалидами вследствие травм, полученных ими при исполнении своего воинского долга. Помимо этого президент РФ настоял на том, чтобы соответствующие надбавки к пенсиям начали выплачиваться не с 1 января 2006 года, как предлагалось Правительством РФ, а уже с 1 сентября текущего года.

Только благодаря настойчивости Совета и прямому вмешательству Президента вопрос решен».

Из Краткого отчета Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека за 2002–2008 годы

Ред. Почему вы вышли из состава Совета?

И.К. Я считаю, что в отличие от правозащитников, работавших в 90-е годы, нынешние структуры – Совет, Общественная палата – встроены в систему и вынуждены работать по ее законам. А я, как уже говорила, – человек внесистемный. Плюс возраст – пусть приходят молодые. Наконец, главную задачу мы решили. Теперь, когда я слышу слово «контрактник», сам факт его употребления я отношу и на свой счет. Ведь этого мы еще при Ельцине добились. Он в мае 1996 года подписал Указ о переходе к строительству профессиональной армии[2].

Кстати, не знаю, насколько справедливо обвиняют в коррупции экс-министра обороны Сердюкова, но он сделал для армии очень важную вещь. Он разрушил гниющие останки Советской Армии, снял с плеч Вооруженных Сил РФ тяжелое бремя – военные городки, очень сильно сократил «Арбатский военный округ», перетряс систему управления Вооруженными Силами РФ, расчистил поле для подлинной военной реформы. А то ведь много лет все «реформы» сводились у нас к вечно кризисной проблеме – жилищному строительству. Старееющее военное лобби разве может быть этим довольным? А коррупция – где ее нет?

Ред. Сейчас Минобороны возглавил человек с безупречной моральной репутацией.

И.К. Шойгу тот же курс держит. А вот при Сергее Иванове была принята целевая программа по развитию контрактной системы, а куда делись деньги, выделенные на нее, неизвестно. Сейчас в развитии реформы Вооруженных Сил РФ начали проявляться новые, весьма сложные тенденции, значение которых еще слабо осознается как обществом, так и армией. Мир меняется слишком быстро.

Ред. Вы не прерываете общение с Советом?

И.К. Я осталась экспертом Совета, работаю с документами, занимаюсь, как и прежде, армейской тематикой и сохраняю прекрасные отношения с Михаилом Александровичем Федотовым. И его, и Элли Александровну люблю и уважаю.

Я благодарю судьбу, которая связала меня с солдатскими матерями. Движение солдатских матерей – это абсолютно уникальная форма проявления гражданской активности. Материнская любовь бескорыстна и безгранична. На фоне того, что пережили, чему научились и чему научили солдатские матери, все наблюдаемые сдвиги в сторону ограничения правозащитной деятельности

рамками социальных проблем кажутся мне просто одним из направлений государственного контроля гражданской активности на гуманитарной подкладке.

[1] В 1992-1993 годах на о. Русский от голода скончались четыре матроса Тихоокеанского флота России, более 250 моряков попали в госпиталь.

[2] Указ Президента РФ от 28 мая 1996 года № 791 «О дополнительных мерах социальной защиты военнослужащих, проходящих военную службу по призыву» // Собрание законодательства РФ. — 03.06.1996. — № 23, ст. 2752.